

КАЗАЛОСЬ, он рожден для симфонической астралды. Дирижер масштабного, красочного мышления, большого эмоционального диапазона. Воля. Выразительные руки. Безупречный ритм. И редкий дар пластической импровизации. Это особенно важно для дирижера — руки, пластика, ритм!

Таким предстал он перед нами тогда, в 1971 году, на III Всесоюзном конкурсе дирижеров. Я помню его лучшие интерпретации: простоту и человечность Аллегретто из Седьмой симфонии Бетховена, яркую театральность образов Шестой Шостаковича и, конечно, юношески-пламенный полет «Поэмы экстаза» Скрябина, ставшей кульминацией всего музыкального турнира. Помню смелость его пластических приемов: эти неожидаемые «мобилизующие» броски рук вниз и чуть-чуть назад, когда звучность оркестра нужно поднимать в постепенном, нарастающем кренделло...

Пять лет назад студент Московской консерватории Александр Лазарев стал победителем III Всесоюзного конкурса дирижеров. Но кто мог тогда предположить, что не пройдет двух лет и двадцативосьмилетний дирижер встанет за пульт величайшего из театров мира?

Однако это стало реальностью Оперный спектакль, в сложном комплексе его постановочных компонентов, стал для Лазарева такой же необходимой сферой творческого самовыражения, как и симфоническая астралда. Он дебютировал в «Дон Карлосе» Верди. Затем был введен в спектакль «Парская невеста» Римского-Корсакова. А в апреле 1974 года уже состоялась его первая постановоч-

...И музыка в его руках

БОЛЬШОЙ

ТЕАТР:

ДВУХСОТАЯ

БЕСНА

ная работа в Большом театре, и какая! Премьера оперы Прокофьева «Игрок», подготовленная с главным режиссером Борисом Александровичем Покровским и ставшая крупным событием музыкальной жизни. И нужно прямо сказать: индивидуальные качества Лазарева-музыканта, его импульсивность, музыкальная интуиция, динамизм, чувство сцены сыграли важную роль в воссоздании музыкального стиля раннего Прокофьева. Кульминация спектакля «Игрок» — сцена рулетки — стала не только вершиной режиссерской фантазии и мастерства, но и образцом точной дирижерской техники — «организации» музыкально-сценического действия.

Сегодня в театральном репертуаре Александра Лазарева уже одиннадцать спектаклей, среди которых такие известные оперы, как «Фауст», «Травиата», «Риголетто» и «Сильвский цирюльник», «Хованщина», «Иоланта», «Зори здесь тихие...»

Недавно мне довелось присутствовать на спектакле сложнейшей оперы Римского-Корсакова «Сказание о граде Китеже», которой Лазарев дирижировал впервые. Признаться, было страшно за молодого дирижера,

очувтившегося перед этой «глыбой» партитуры (она и многоопытным дирижерам редко удается!) в «чужом» спектакле. И что же? Куда делись статика и томительные длинноты? «Китеж» поплыл на всех парусах по бесконечной реке-мелодии, поющей «похвалу» природе и русской земле. А действие обрело упругость и центростремительную силу: особенно в картинах Малого и Великого Китежа, завершающихся знаменитым симфоническим антрактом «Сеча при Керженце», который Лазарев исполнил со свойственной ему оркестровой фантазией, в захватывающем темпе. При этом опера не утратила величайшей красоты, неторопливой поэтической распевности мелодий.

Любопытное явление: при все более возрастающей нагрузке в театре Лазарев продолжает, и все более интенсивно, свою деятельность симфонического дирижера, выступает с лучшими оркестрами, гастролирует по стране и за рубежом. Эта тенденция к универсальности обогащает палитру дирижера. Впрочем, это — черта времени. Соединение оперной и симфонической деятельности характерно и для других молодых представителей советской дирижерской школы — Юрия Симонова и Юрия Темирканова, Александра Дмитриева и Дмитрия Китаенко. А если заглянуть в историю Большого театра, то эта цепочка музыкальной универсальности прослеживается от Вячеслава Сука до Ни-

колая Голованова и Самуила Самосуда, до наших выдающихся современных дирижеров — Евгения Светланова и Геннадия Рождественского. Как известно, и Кирилл Кондрашин большую часть своей творческой жизни посвятил Большому театру. Короче, дело теперь за «наследниками».

Александр Лазарев часто выступает в симфонических концертах без... пульты. Большинство своих программ он дирижирует нануисту. Что это — вызов традиции, демонстрация возможностей памяти? Нет! Для Александра очень важно ощущение полнокровности «музичирования», ощущение слияния с оркестром «один на один» в свободном, непосредственном сотворчестве. А, кстати, это добрая старая, даже очень старая традиция. Еще Вагнер и Берлиоз первыми дирижировали без партитур. А Ганс фон Бюлов придал этому способу принципиальное значение, бросив крылатый девиз: «Лучше партитура в голове, чем голова в партитуре!»

Такими мастерами, как Александр Николаевич Лазарев, молод Большой театр. Пишу эти строки, а в памяти моей звучит экспрессивная музыка симфонической поэмы «Жизнь героя» Рихарда Штрауса, которую он только что вдохновенно исполнил с Государственным симфоническим оркестром СССР в Большом зале консерватории...

Т. ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО.